

Тимур КИБИРОВ: "Пушкин тоже может быть наркотиком"

По мнению многих любителей поэзии, Тимур Кибиров - крупнейший российский поэт 90-х годов. С ним беседует литературный критик Вячеслав Курицын.

- Один мудрый человек однажды сказал, что любой человек, умеющий читать и писать, рано или поздно должен определиться, что ему больше нравится: читать или писать. Как рано вы сделали свой выбор?

- Я категорически не согласен с этим. Вполне совместимые занятия. Более того, когда люди решают только писать, это кончается печально. Только читать можно, а вот только писать - это из области анекдота про чучку.

Чучка - это не национальность, а состояние души. К сожалению, таких чучек у нас хватает. Прощу понять правильно. Но - никаких фамилий. Хотя, как говорил Михаил Сергеевич Горбачев, "примеров тому немало". Мне всегда хотелось писать стихи. Я начал с 13 лет. И практически не прекращал, ну там перерывы были на 2 года, не больше.

- В 13 лет вы начали писать стихи, а в 30 лет впервые увидели их напечатанными. Каково чувствовать себя поэтом, которого нет?

- Нормально, это те самые пресловутые годы застоя, которые Вознесенский со свойственным ему вкусом как-то назвал "хмурыми годами", так вот, в эти пресловутые "хмурые года" существовала целая культура непечатающихся. Никаких иллюзий по поводу печатания в советских издательствах у меня не было. Не знаю, я сейчас с трудом вспоминаю, что я себе тогда думал. И тогда, и сейчас важнее было написать, чем напечатать. Я считаю, что начал печататься вовремя. К 1985 году я только вошел в ум. Уже в армии произошел некоторый внутренний кризис, который был вполне связан не только с жесткостью казарменного опыта, а просто я впервые столкнулся с реальной жизнью. Ощущение того, что этот любимый мой язык (Блока, Серебряного века...) никак не соотносится с этой реальностью, и подтолкнуло меня к тому, что нужно искать какой-то другой язык. И начались эти поиски. Помогло знакомство с хорошей современной литературой, меня потряс Бродский, Венедикт Ерофеев. И годам к 30, к тому самому 1985 году, я начал писать те стихи, за которые мне сейчас не стыдно.

- Ваши стихи замешены на чужих текстах: от Державина до Доддато-вского. Можно ли говорить о каких-то самых важных влияниях, об учителях в поэзии?

- Очень условно и весьма приблизительно. Сперва таковым был Блок, потом им стал Державин. Сейчас почти год, а может, даже больше, я не пишу, потому что явно что-то должно измениться, что - я еще не очень понимаю. Поскольку три года были связаны с Пушкиным и Баратынским, я сейчас решил немножко отойти от этого, потому что в это можно совсем погрузиться. На мой взгляд, плохо все, что просто человеком не контролируется, любая наркотическая зависимость - это плохо. Можно пить водку, радоваться этому состоянию, но ровно до тех пор, пока ты можешь пить или не пить. Пей хоть каждый день, хоть упейся, но как только ты почувствуешь, что ты уже не можешь не пить, возникает проблема. Это, я думаю, универсальный закон всех пристрастий, так же и с Пушкиным.

Поэты делятся на две части: одни, найдя что-то, обрабатывают это до бриллиантовой крепости и блеска, но есть другие, которые постоянно меняются, постоянно сбрасывают кожу. Причем это не связано с уровнем таланта - есть гении такого типа, есть гении другого типа. Я не думаю, что это свойства личности, я отношусь ко второй категории. Как только я чувствую, что что-то начинает получаться, мне становится скучно. Хочется заняться чем-то иным.

- Для каждого русского поэта вашего поколения неизбежно вставала проблема Бродского: как к нему отно-

ситься, каким образом учитывать его опыт, его общественную позицию, талант, в конце концов?

- Бродский - великий поэт, о чем разговор, и именно оттого, что он великий поэт, он и разворован весь, и зачастую теми людьми, которые не признают его. Сегодня я Бродского не очень люблю, но в свое время для меня это был просто такой культурный шок! Я потратил много сил на борьбу с соблазном стать вторым Бродским. У него поэтика такая особенная, которую якобы можно легко разложить на элементы, собрать их заново, и получается вроде как у Бродского, только основное пропадает. А так его, конечно, не любят. Завидуют. Да и умер он не так давно, чтобы простить ему талант.

- Признают ли в вас молодые писатели этого поэта в авторитете, так сказать, патриарха отечественной словесности?

- Ну, до патриарха мне еще далеко, хотя лет 5 - 6 назад нечто подобное начиналось. Но мне эта роль несвойственна. Мне такого рода общение чрезвычайно тягостно, как общение с молодыми людьми, которые футуристически дерзят, что, как правило, скрывает отсутствие бытовой культуры, хамство. А с почтительными молодыми людьми мне тем более скучно. Учить других жизни - это не для меня, я же лирический, а не социальный поэт.

- Так уж несоциальный?

- С 1985 года, нет, с 1987 - 1988 гг. вся эта социальность перестала быть темой для поэзии. Раньше было по-другому. Тогда не было политики. Политика - это борьба каких-то политических сил. Это была жизнь, от которой скрыться было невозможно. Большинство людей, населявших страну, делали все, чтобы ничего не видеть: Брежнев, Черненко, съездов партии. Видели и не видели одновременно. Это было чрезвычайно вредно, психологически и культурно, когда люди живут с закрытыми глазами. Поэты пытались представить себя или в парижской мансарде, или в чеховском имении. А на самом деле это были люди, которые были вынуждены ходить на открытые партийные собрания. Они, то есть мы, были не виноваты. Я же тоже не из мордовских лагерей. Тогда существовала литература антисоветская, ее было очень мало, к сожалению, чаще всего она была не очень высокого качества. Существовала советская литература, ее тоже было не так много, как казалось. А основной пласт был вот такой вот иллюзорной литературы, которая как бы описывала несуществующий мир. Никто в это время от писателей не требовал, чтобы они что-то воспевали. Если писатели что-то воспевают, это уже была их личная инициатива.

Они это делали искренне, ну, были такие балбесы. Я же писал стихи не антисоветские, я просто с детским простодушием описывал все то, что видел вокруг себя. Потому что уже тогда, кроме, как писала газета "Правда", "зоологической ненависти к коммунизму", у меня было четкое ощущение, что существует особая советская цивилизация, которую не желают замечать. Оказывается, что мы как бы жили, но что наша жизнь - это мусор, а человеческая жизнь мусором быть не может - она может быть мерзкой, трагичной, смешной, какой угодно, но она в любом случае достойна того, чтобы на нее посмотреть и сказать о ней.

- То есть вы различаете советскую культуру и советскую действительность?

- Если угодно. Советская культура была по-настоящему ужасная.

- Ужаснее, чем нынешняя массовая?

- Безусловно. Вообще-то современная массовая культура преследует цели неблагоприятные, но понятные по-человечески: выжать побольше

денег. Это плохо, но понятно. А советская массовая культура преследовала цели политические, которые массовая культура не должна преследовать ни при каких условиях, сознательно или бессознательно. Советская жизнь - она еще была в обидном и чудовищном детстве. А сейчас началась взрослая жизнь, иногда неприятная, иногда дикая, но жизнь - со взрослыми проблемами, с ощущением трагедии, которое у взрослого человека непременно должно присутствовать.

- Трагедией общества или человека?

- Ну, начнем с общества, а закончим другими трагедиями: войнами, нищетой, которые действительно есть. Ну, что я вам рассказываю...

- Как вы относитесь к популярным нынче разговорам, что идет всеобщее одичание?

- А что дичает? А что будем замерять? Среднего советского человека и среднего сегодняшнего? Я думаю, что это приблизительно одинаково дикий уровень. Взять там, скажем, среднего колхозника 70-х годов и теперешнего. Разве что у того в голове был какой-то порядок, это был чудовищный порядок, страшный. У теперешнего - просто такая каша, что расхлебывать будем многие десятилетия. Ну какая такая культура была в 70-е годы, что это за расцвет такой? Выть хотелось от той культуры. Сейчас тоже хочется выть, но по-другому.

- Тогда в ля миноре, а теперь в си миноре?

- Вроде того.

А так одичание идет. Идет в первую очередь от средств массовой информации.

- ???

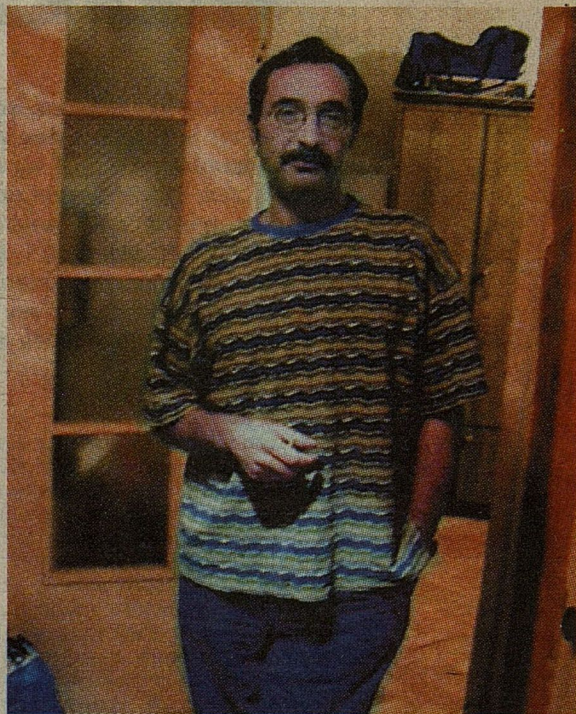
Я из тех, кто "сбрасывает кожу"

- Взять мою дочку. Она пока, слава богу, нормальный ребенок, но кто ей подсовывает ДеЦла?

Ни мама, ни папа, ни школа, а стоит включить телевизор... там сидят не какие-то дикари, а дикарей на экраны выпускают умненькие мальчики и девочки, культурные люди сидят в своих ночных клубах и возмущаются, в какой дикой стране мы живем. А Женю Кемеровского кто гонял? Или поэт Танич, чудесный песенник, - раньше он писал про ткачих, а сейчас - про лесоповал. Теперь по зонам ездит и воров в законе обслуживает. А вот это к вопросу о совести так называемой нашей "интеллигенции", которая так любит говорить и о духовности, и об идеалах, и обо всем прочем, а как только запахнет "бабками", начинается совсем другой разговор. Это бандитская песня, которая внедряет этим наивным постсоветским людям совершенно определенный идеал. Причем этот идеал сформировался еще при советской власти. Это была единственная, народная альтернатива вымороченным официальным идеалам. Если не член партии, то уркаган. Высокотехнологично поучествовал. Его блатной, нахрапистый, фикса-тый парень сразу всплыл с падением официальной культуры, это было неизбежно, но то, что высоколобые мальчики и девочки стали его эксплуатировать и на этом делать "бабки"...

- Но ведь вы работаете на телевидении?

- Работаю - это сильно сказано. Я служил на НТВ, теперь на ТВ-6, придумываю анонсы. Честно говоря, я не очень люблю на эту тему говорить. А замечательно сказала моя дочка, когда у меня в очередной раз был

припадок педагогического рвения и я ее стал стыдить (я с удивлением сейчас стал обнаруживать, что я чуть ли не дословно повторяю фразы своего отца, которые меня доводили просто до бешенства): "Саша, тебе уже десять лет, ты учишься в третьем классе, я в твои годы..." А она поднимает глаза: "Ага, когда тебе было десять лет, ты уже учился в пятом классе". Я не унимаюсь: "Ты понимаешь, что это твоя работа, вот мама ходит на работу, я хожу на работу. Мы устали..." Она тихо-тихо: "Работа, тоже мне. Фильмы смотрит".

- А что обычно едят поэты?

- Пищу. Что вы имеете в виду?

- Какое у вас любимое блюдо?

- Любимое блюдо - хлеб с маслом, если хлеб хороший, он редко бывает хорошим, к сожалению.

- Черный, белый?

- Черный, белый, разный. Самый вкусный в Италии делают, не помню, как он называется. Причем зачастую в каких-то римских харчевнях это жалкое подобие великого оригинала, а вот в каких-то провинциальных городках - такой ломоть хлеба с чесноком, помидорами, обжаренный обязательно на открытом огне! Удивительно вкусно! Великая кухня и великая литература.

- Чем вы занимаетесь в свободное время?

- Чтением. Последний год оно у меня довольно специфическое. Я поставил себе цель наконец-таки улучшить английский язык. Не имея способностей к каким-то регулярным занятиям, я дал себе слово, что, пока не буду без словаря читать Диккенса, Остин, я ни одной русской книги в руки не возьму. А поскольку не читать я не могу, это просто физиологическая потребность, то мой английский стал безусловно улучшаться. Последнее, что я прочитал, это как раз "Записки Пиквикского клуба".

- А помимо чтения книг?

- Помимо чтения книг - приятная возня с дочкой, к сожалению, реже, чем хотелось бы, и общение с друзьями.

- Какое кино вы любите смотреть?

- Феллини. Боюсь, что это уже такая архаика. А из современных - братья Коин. Последнее, что я видел, - это "Большой Любовский". Вообще я далек от кино, разве что в 12 лет я был влюблен в Джину Лоллобриджиду, недолго, но страстно.

- Как вы перемещаетесь по Москве?

- С трудом. На общественном транспорте.

- А какой тип женщин вам нравится?

- Добрые, умные и красивые, и не очень старые желательны.

- И в заключение такой вопрос: что в своей жизни вы могли бы назвать самым главным?

- После меня останется дочка.

МЕСТО ВСТРЕЧИ

Сентябрь 21 сентября 2001 г., № 205 (22995)

Кибиров Тимур

2.10.90